

Новое литературное поколение (Продолжение)

строениемъ въ периодъ отъ сороковыхъ до семидесятыхъ годовъ существовали и многія другія теченія умственной жизни, но всё, они являлись болѣе или менѣе случайно и безслѣдно исчезали, тогда какъ первое опредѣляло собою внутреннюю физиономію времени и запечатлѣло своимъ вліяніемъ всё его крупнѣйшія событія. Какъ мы уже сказали, основной чертой этого господствующаго настроенія былъ правственный и общественный идеализмъ, требующій пересозданія человѣка и общества по вновь изобрѣтеннымъ моделямъ и отрицающій дѣйствительность въ томъ видѣ, какъ ее создала природа и исторія.

Вотъ въ этой-то ниско чертѣ наше позднѣйшее время, наше новое поколѣніе и противоположно предшествующей эпохѣ. Новое поколѣніе родилось свѣтникомъ. Идеалы, которыми жили его отцы и дѣды, оказались безслѣдными надъ нимъ. Оно смотритъ прямо въ лицо дѣйствительности, безъ цвѣтныхъ очковъ идеализма. Оно не чувствуетъ ненависти и презрѣнія къ обыденной человѣческой жизни, не понимаетъ и не признаетъ обязанности человѣка быть непременно героемъ, не вѣритъ въ возможность идеальныхъ людей. Но разувѣрившись въ прежніе идеалы, наше современное поколѣніе осталось, однако, чуждо пессимизму. Его судьба оказалась совершенно противоположною судьбѣ современной французской интеллигенціи. Последняя разочаровалась въ дѣйствительности, въ красотѣ и достоинствѣ возможной на землѣ жизни, и для нея осталось печальное сознаніе силы и величія человѣческаго творчества, неосуществимой человѣческой мечты. Русское-же молодое поколѣніе разочаровалось въ господствовавшихъ до него идеалахъ, въ которыхъ оно увидѣло только сухія, логическія произведенія индивидуальной мысли,—и для него осталась дѣйствительность. Оно признало необходимость этой дѣйствительности, въ которой ему суждено жить, оно возвратилось къ природѣ, почувствовало связь съ нею, ея всеобъемлющую, абсолютную власть, ея божественное творчество, которымъ между прочимъ предопредѣлена и вся судьба человѣка. Оно приняло эту судьбу спокойно и безропотно. Жизнь перестала для него дѣлиться по категоріямъ героическаго и пошлаго. Ея естественныя возможности, необходимыя потребности духа и тѣла, простая человѣческая радости и стремленія не кажутся ему жалкими и презрѣнными, точно также какъ моменты напряженной человѣческой дѣятельности, трагическіе моменты самопожертвованія и подвижничества, вызываемые экстатическими душевными состояніями или роковыми, жестокими коллизіями жизни, уже не пробуждаютъ въ немъ исключительныхъ восторговъ и симпатій. Оно прониклось сознаніемъ того, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного и того-же источника—природы, все являетъ собою одну и ту-же тайну бытія, все одинаково прекрасно для свободнаго, художественнаго созерцанія міра.

Въ нашемъ молодомъ поколѣніи уже теперь можно замѣтить существенныя признаки пантеистическаго поклоненія природѣ. Правда, поколѣніе это, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, вступило въ жизнь еще слишкомъ недавно и еще не успѣло вполне опредѣлиться. Литература, созданная имъ, еще слишкомъ незначительна и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Число ея работниковъ не особенно велико, всё они пишутъ весьма недавно, и среди нихъ не нашлось еще никого, кто позарилъ-бы насъ крупнымъ художественнымъ произведеніемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Несмотря, однако, на относительную незначительность каждаго произведенія позднѣйшей литературы въ отдѣльности, вся она, въ ея цѣломъ, можетъ послужить матеріаломъ для нѣкоторыхъ небезынтересныхъ выводовъ. Конечно, далеко не все въ новѣйшей нашей художественной литературѣ проникнуто однимъ и тѣмъ-же духомъ, однимъ и тѣмъ-же стремленіемъ реабилитировать дѣйствительность. Среди писателей, по времени ихъ дѣятельности несомнѣнно принадлежащихъ уже новому поколѣнію, можно указать не мало такихъ, которые были еще одушевлены идеальными стремленіями прежняго времени. Крупнѣйшіе изъ нихъ—Надсонъ и Всеволодъ Гаршинъ,—теперь уже оба покойные. Вся поэзія Надсона создана неосуществившимся порывомъ къ самоотверженной дѣятель-

ности, къ дивическому героизму, и потому полна непрерывной скорби и жалобы. Всеволодъ Гаршинъ точно также охотиѣе всего разрабатывалъ мотивы борьбы гражданскаго долга, нравственнаго подвига, съ органическими стремленіями человѣческой природы. На такія темы написаны у него «Художники», «Ночь», «Встрѣча». Въ «Красномъ цвѣткѣ» онъ хотѣлъ въ лицѣ безумнаго создать апофеозъ страданію, искупающему зло міра. Печать того-же идеализма лежитъ и на нѣкоторыхъ произведеніяхъ г. Короленки. Но у него уже болѣшая свобода въ выборѣ сюжета, ему уже доступны интересы обыденной жизни, для него уже имѣетъ значеніе дѣйствительность сама-по-себѣ, какъ это видно, напримѣръ, изъ разсказа «Лѣсъ шумитъ» и изъ очерковъ сибирской жизни. Вліяніе прежнихъ воззрѣній сказывается только въ нѣкоторыхъ чуждыхъ свободному художественному творчеству, навязанныхъ ему точкахъ зрѣнія, вродѣ, напримѣръ, совершенно произвольнаго, не мотивированнаго возвеличенія протестующаго страданія, хотя-бы героемъ его являлся ограниченный, а можетъ быть даже и слабоумный фанатикъ-старовѣръ Яшка, выражающій свой протестъ непрерывнымъ стукомъ въ дверь тюремной камеры («Въ подсѣдственномъ отдѣленіи»), или вродѣ преднамѣреннаго стремленія оправдывать обездоленные, бѣдные классы общества («Въ дурномъ обществѣ», «Сонъ Макара») и т. п.

Но рядомъ съ этими писателями, продолжавшими традиціи прошлаго, въ современной литературѣ уже довольно ясно обособилась группа представителей новаго направленія. Въ числѣ ихъ можно отмѣтить гг. Чехова, Ясинскаго, Дѣдова, Баранцевича, Щеголова, поэта Фофанова. Всѣ они проникнуты духомъ признанія, а не отрицанія дѣйствительности. Г. Чеховъ по самой натурѣ своей—пантеистъ-художникъ. Для него въ мірѣ нѣтъ ничего недостойнаго искусства. Все сущее интересно уже потому, что оно есть, и все можетъ быть предметомъ художественнаго воспроизведенія. Достаточно прочесть небольшой томикъ разсказовъ г. Чехова («Въ сумеркахъ»), чтобы убѣдиться, что ничто въ жизни не имѣетъ для него, какъ для художника, особеннаго преимущества и всякое ея явленіе можетъ вдохновить его на творчество. Между предметами его разсказовъ нѣтъ ничего общаго, кромѣ того, что всё они—факты одного и того-же міра, возможныя одной и той-же человѣческой жизни. Съ одинаковымъ спокойствіемъ и старательностью изображаетъ онъ и мечты несчастнаго, тѣдущаго и болѣзненнаго бродяги («Мечты»), и любовь богатой свѣтлой женщины къ чудаку-визю («Пустой случай»), и сцену дерзкаго обмана церковнаго сторожа ворами («Недобре дѣло»), и засохшаго для поэзіи, для счастья любви русскаго интеллигента, всю жизнь погруженнаго въ книжныя занятія («Вѣрочка»), и событіе изъ жизни дѣтей, состоящее въ томъ, что собака съѣла ихъ котятъ («Событіе»), и сложную психологію современной женщины, доведенной каждою ошущеніемъ до измѣны мужу («Несчастье»), и трусливаго лѣсника, боящагося выйти изъ своей хижины на крикъ о помощи («Безпокойный гость»), и исторію жизни вѣчно увлекающагося какими-либо идеями русскаго человѣка («На пути»). Наконецъ, въ послѣднемъ самомъ больномъ своемъ произведеніи («Степь»), какъ мы уже знаемъ, онъ съ эпическою выдержанностью и несомнѣннымъ творческимъ паносомъ рисуетъ картину степи, т. е. прямо уже обратился къ жизни природы.

Г. Ясинскій работаетъ на томъ-же новомъ пути. По крайней мѣрѣ его послѣдній романъ «Старый другъ» и замысломъ своимъ и исполненіемъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о намѣреніи автора поднять внутреннее значеніе супружеской любви и всей вообще стіихъ брачной жизни, осмѣянной отрицательными взглядами и съ презрѣніемъ отвергаемой героическими стремленіями. Тема довольно рискованная, если принять во вниманіе, что отрицательныя тенденціи прошлыхъ поколѣній еще продолжаютъ главенствовать въ общественномъ сознаніи. Несмотря на это, авторъ рѣшился поставить свою задачу во всей ея чистотѣ, не смягчая ее никакими компромиссами. Герой его романа, докторъ Гранковскій, человѣкъ самый обыкновенный, безъ возвышенныхъ стремленій и выдающихся способностей; онъ только...

Чеховъ — И. Л. Леонтьеву (Истопку): „По туши, критику на

моемъ „Степь“. Итак, мы пантеисты!, с темъ вас и поздравляю (II, 248), 18 апр. 1888.

P. A. (P. A. Истопка)